

К типологии нефутуральных значений предбудущего в славянских языках*

Темпоральная парадигма славянского перфекта, сформировавшаяся в праславянском языке на основе форм вспомогательного *byti* и *l*-причастия (РТСР), включала в себя перфект, плюсквамперфект и предбудущее *bqđq* + *l*-РТСР (конструкция, объединяющая показатели референции к будущему и предшествования). Семантика славянского перфекта и плюсквамперфекта достаточно хорошо изучена. Славянское предбудущее как довольно редкая конструкция всегда вызывала существенно меньшее внимание исследователей¹, а ее значение обычно считалось чисто композиционным.

Как известно, перфект в истории славянских языков эволюционирует в соответствии с двумя «сценариями»²: проходя через стадию «расширенного перфекта», превращается в простой претерит (например, в восточнославянских языках) или специализируется на выражении эвиденциальных значений (в болгарском и македонском). По мере эволюции презентного перфекта семантическое противопоставление между ним и плюсквамперфектом «все более усложняется и идиоматизируется, приводя... к их включению в разные семантические зоны»³ (плюсквамперфект развивает значения из семантической зоны «сверхпрошлого» и ирреалиса⁴).

Аналогичное семантическое расхождение можно наблюдать и между перфектом и предбудущим (футуральным перфектом). Настоящая работа посвящена данной проблематике — типологии нефутуральных значений предбудущего (употреблений с референцией к прошлому) в славянских

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ (РГНФ), проект № 17-34-01061 «Славянское второе будущее в типологической перспективе».

языках. Иллюстрацией того, что понимается под нефутуральными употреблениями, может служить пример из Супрасльской рукописи:

(1) старосл. Еда бждеть съльгаль приходивыи, почто ми гнѣвити азыкь старцу?⁵

Спектр нефутуральных употреблений предбудущего довольно широк: презумптивные, конклюдивные, дубитативные и близкие к ним адмиративные употребления, кроме того, передача внутреннего опыта говорящего, а также аппрехенсивные употребления. Будем называть их модально-эвиденциальными стратегиями, вслед за А. Айхенвальд⁶, предложившей подобный термин для языковых средств, чьей первичной функцией не является указание на то или иное эвиденциальное значение.

Праславянская перифраза *bqdq + l-PTCP* имела различную судьбу в истории славянских языков⁷. Грамматикализованное предбудущее сохранилось только в глагольных системах южнославянских языков (македонский в работе не рассматривается), при этом структура, восходящая к праславянской перифразе *bqdq + l-PTCP*, представлена только в сербохорватском, тогда как болгарский и македонский используют новые конструкции *ще съм + л-PTCP*⁸/*ке имам + н-PTCP*. В современных сербохорватских говорах (по крайней мере в средне- и южночакавских и части штокавских) также употребительна конструкция *бићу + l-PTCP* — форма предбудущего с другим вспомогательным глаголом.

Ввиду ограничений объема мы будем приводить примеры в основном из современного болгарского и сербохорватского. Отсутствие специального комментария означает фиксацию подобных употреблений также в древнерусских и средневековых болгарских источниках.

1.1. Для славянского предбудущего наиболее типичны **презумптивные** (1–2) и **конклюдивные** (3–4) стратегии (в сербохорватском — только для перифразы *бићу + l-PTCP*). Среди славянских языков с древней письменностью, имеющих перифразу предбудущего, такие употребления отсутствуют в древнечешском, средневековых сербских и хорват-

ских памятниках. Возможно, такое распределение явилось следствием позднепраславянских диалектных различий⁹, ср.:

(2) болг. *Казахме, че никой не ни е казвал това, но че някак инстинктивно сме се досетили, че тъкмо той **ще** е свършил тая работа*¹⁰;

(3) болг. *И — гробове, гробове. Тук **ще** са се били турци, защото на повечето гробове... беше забита тояга*¹¹;

(4) чакав. ***Vičete se umorili***¹²

1.2. В презумптивном или конклюдивном значении сербохорватский *футур други* не употребляется, однако в вопросительных предложениях с *да* может сочетать выражение догадки с выражением опасения¹³:

(5) сербохорв. *Да не **будеш** то забравио код куће*¹⁴

Подобные **аппрехенсивные** употребления предбудущего в литературном сербохорватском (и единичные примеры в болгарских памятниках XVII в.) мы предлагаем считать особой интерпретацией презумптивных, поскольку именно значение эпистемической модальности (оценка ситуации как вероятной, возможной) типологически признается одним из семантических источников **аппрехенсива**¹⁵.

2. Предбудущим могут обозначаться ситуации **прямого личного доступа**, но, по-видимому, только те, которые сообщают о внутреннем ментальном или физическом опыте говорящего (чувства, ощущения, физическое состояние, когнитивные процессы) — т. е. о том, что принципиально не может быть наблюдаемым. Для болгарского предбудущего такие контексты нехарактерны, в отличие от сербохорватского с неизменяемым *biče*, ср.:

(6) чакав. ***Viče do ure po ponoč san sedila***¹⁶.

3. Напротив, предбудущее в болгарском, в отличие от сербохорватского, встречается в **дубитативных** контекстах. Такая интерпретация возникает обычно при некоторых дополнительных контекстных условиях: при ироничном пере-сказывании чужих слов для дистанцирования от чужого мнения, которое говорящий не разделяет. Дубитативные значения могут выражаться кумулятивно с **адмиративными**

(последние в чистом виде у славянского предбудущего практически не представлены):

(7) болг. „*Окраде Русия*“ – *казват. Как така ще е окрал Русия? От хазната ли взема пари?*¹⁷

Выводы

При всем разнообразии перечисленных стратегий (адмиратив и аппрехенсив не принадлежат семантической зоне эвиденциальности), у них есть общие семантические основания: предбудущее в них используется для выражения *эпистемической дистанции* (термин, употребляемый В.А. Плуногяном, а также Г. Лантом и М.М. Макарецевым — по отношению к балканским эвиденциалам¹⁸). Дистанция при презумптивных и конклюдивных употреблении основана на неточном знании говорящего (отсутствии прямого доступа), при передаче внутреннего опыта — на ненаблюдаемости явления, при дубитативных употреблении — на дистанцировании от чужого мнения, при адмиративных — на противоречии картине мира говорящего, при аппрехенсивных — на нежелательности ситуации для говорящего. Предбудущее в нефутуральных употреблении в болгарском семантически и структурно вписывается в систему эвиденциалов, имеющих в составе л-форму.

Примечания

¹ См. обзор библиографии: *Пенькова Я.А.* К вопросу о семантике т.н. будущего сложного II в древнерусском языке (на материале «Жития Андрея Юродивого») // *Русский язык в научном освещении* 2014. № 1 (27). С. 150–184; *Пенькова Я.А.* К истории славянского второго будущего: пути семантической эволюции // *Die Welt der Slaven*, 2017. № 2 (62). С. 247–275.

² *Плуногян В.А.* К типологии перфекта в языках мира // *Труды Института лингвистических исследований РАН — Acta Linguistica Petropolitana* 2016. Т. 12. № 2. С. 7–36.

³ Там же.

⁴ *Сичинава Д.В.* Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М., 2013.

⁵ *Заимов Й., Капалдо М.* Супраслъски или ретков сборник. София, 1982. Т. I–II. С. 239.

⁶ *Aikhenvald A.* Evidentiality. Oxford, 2004.

⁷ Подробнее о грамматикализации предбудущего в славянских языках см.: *Пенькова Я.А.* От ретроспективности к проспективности: грамматикализация предбудущего в языках Европы // *Вопросы языкознания*. 2018. № 2. С. 53–70.

⁸ С типологической точки зрения в болгарском логично выделять не две омонимичные формы *ще съм + л-РТСР*: выражающую таксисные значения (будущее предварительное), с одной стороны, и значения эпистемической модальности (тпрезупптив), с другой, а одну семантически многозначную, так как тот же семантический спектр у предбудущего встречается во многих других европейских языках, в том числе и в албанском.

⁹ См. также: *Andersen H. Periphrastic futures in Slavic: Divergence and convergence // Change in verbal systems. Issues in explanation. Eksell K., Vinther T. (eds.). Bern, 2006. С. 9–45.*

¹⁰ *Asen Hristoforov Dzherom K. Dzherom Trima dushi v edna lodka (bez da stava дума за kucheto). Национальный корпус болгарского языка: URL: <http://search.dcl.bas.bg/> (дата обращения: 08.04.2018).*

¹¹ *(Й. Йовков) Деянова М. Към характеристиката на новобългарското бъдеще предварително време // Пашов П., Ницолова Р. Помагало по българска морфология. Глагол. София, 1976.*

¹² Пример сообщен Миславом Беничем.

¹³ *Коваћевић М. Употреба футура II у простој реченици // Српски језик — студије српске и словенске. 2009. № 14. 1–2. С. 65–75.*

¹⁴ *Стевановић М. Савремени српскохрватски језик. Т. II. Београд, 1986. С. 683.*

¹⁵ *Добрушина Н.Р. Грамматические формы и конструкции со значением опасения и предостережения // Вопросы языкознания. 2006. № 2. С. 28–67.*

¹⁶ Пример сообщен М. Беничем.

¹⁷ (Александр Литвиненко. Лубянская престыпна группировка (Здравка Петрова, 2003)) Национальный корпус русского языка: URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.04.2018).

¹⁸ *Макарцев М.М. Эвиденциальность в пространстве балканского текста. СПб., 2013.*

DOI 10.31168/2619-0869.2018.2.3.4

Е. О. Борисова

О семантической структуре гнезда рус. *строгий* (русские диалектные значения на славянском фоне)*

На территории Архангельской области фиксируется прилагательное *строгий* ‘быстрый, стремительный (о ручье)’ — *Весенний ручей строгий был, с шумом, бурный*. Необычность

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351).